

На правах рукописи

КАИМОВА Анна Сергеевна

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ «ТАЙВАНЬСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ» В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945-2008)**

Специальность: 07.00.03 – Всеобщая история
(новое и новейшее время)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание
ученой степени кандидата исторических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре истории Китая Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: **Карнеев Андрей Ниязович**
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Китая, заместитель
директора Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты: **Лукин Александр Владимирович**
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Департамента международ-
ных отношений Факультета мировой эко-
номики и мировой политики НИУ ВШЭ

Труш Сергей Михайлович
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Центра региональных
проблем Института США и Канады РАН

Ведущая организация: **ФГБУН «Институт востоковедения РАН»**

Защита диссертации состоится 16 февраля 2017 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета Д 501.002.23 на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 125009, Москва, ул. Моховая, д.11, стр. 1, Институт стран Азии и Африки.

С диссертацией можно ознакомиться в Отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, каб. 812, а также на сайте:

http://istina.msu.ru/dissertation_councils/councils/10934542/.

Автореферат разослан «___» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Кандидат исторических наук

М.А. Сюннерберг

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы. Настоящее исследование посвящено проблеме «тайваньской идентичности» (или «тайваньского самосознания»). Данное явление, сложившееся и трансформирующееся под воздействием сложного сочетания исторических, политических и культурных факторов, является одним из ключевых феноменов, во многом определяющих внутреннее развитие и внешние связи Тайваня. При этом если состояние экономики и политическая жизнь острова неоднократно становились предметом целого ряда исследований, предпринятых российскими китаеоведами, то вопросы этнического и национального самосознания его жителей никогда в отечественной историографии не подвергались системному анализу.

В современном мире проблема столкновения конфликтующих идентичностей становится одной из важнейших. Под «идентичностью» в данном случае мы понимаем восприятие себя представителями какого-либо социума в качестве членов определенного национального сообщества. Единство мнения жителей того или иного государства при ответе на вопрос «Кто мы?» имеет существенное значение для таких полиэтнических держав, как Россия, ЮАР, Индия и др. Конфликты на национальной почве вспыхивают на обширных территориях постсоветского пространства, одним из ярких примеров чему служат события на Украине. В то же время в целом ряде стран (Турция, Испания, Великобритания и др.) отдельные этнические группы претендуют на создание самостоятельных субъектов международных отношений.

Исследовательский дискурс, сложившийся при изучении проблем национальной идентичности, во многом сформировался на основе опыта европейских стран (именно в Европе в наибольшей степени воплощен принцип «одна нация – одно государство»). Однако историки уже давно обратили внимание на то, насколько существенным этот вопрос является и для стран Азии.

Тайвань при этом представляется одним из наиболее интересных для изучения вопросов идентичности объектов, поскольку здесь проблемы этничности и национального самосознания являются ключевым фактором политической борьбы, по своей важности превосходящим все остальные. Кроме того, проблема «тайваньской идентичности» имеет прямое отношение к вопросу о международно-правовом статусе данной территории. А это, в свою очередь, способно оказать непосредственное влияние на рост потенциала конфликтности одного из ключевых геополитических узлов Азиатско-Тихоокеанского региона – «тайваньского вопроса», то есть отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

В этой связи представляется важным проанализировать противоречивый процесс становления «тайваньской идентичности» и те факторы, которые на него повлияли. Насколько справедлива сама постановка проблемы о существовании такой трудно поддающейся описанию субстанции, как «тайваньское самосознание»? Каковы основные этапы формирования и эволюции данной совокупности представлений? Какие исторические факторы сыграли ключевую роль в этом процессе? Был ли он плавным, или в нем фиксируются возвратно-поступательные тенденции? Ответы на эти вопросы также позволят строить те или иные гипотезы относительно возможного развития идеи «тайваньской идентичности» в обозримом будущем.

Актуальность темы настоящего исследования определяется важностью проблемы наций, национальных конфликтов и национальной идентичности в современном мире. Ее острота особенно очевидна в контексте глобализации. В современном мире национальные границы и государственный суверенитет не утрачивают своей роли, как это предсказывалось в работах некоторых сторонников теории глобализации. Но при этом прогресс в технологиях обуславливает все более интенсивные международные потоки людей, информации и капитала, которые делают вопрос о национальной идентичности еще более сложным и запутанным.

Тайвань предстает в качестве одного из показательных примеров данного процесса. С одной стороны, остров представляет собой уникальную

территорию с точки зрения открытости процессам глобализации. В то же время по мере его нарастающей экономической интеграции с КНР, начавшейся с 1990-х гг., мы наблюдаем там рост представлений об особой «тайваньской идентичности», что подразумевает наличие не только системно-политических, но и культурных и этнических различий между двумя берегами Тайваньского пролива. Параллельно с этим происходило также становление и консолидация тайваньской демократии, что в целом укладывается в рамки описываемой некоторыми политологами теории «третьей волны». В данной связи изучение эволюции представлений о «тайваньском самосознании», а также их репрезентации в политической борьбе на острове позволяет выявить особенности функционирования демократии в условиях отдельно взятого азиатского социума.

В то же время в свете по сей день насущной «тайваньской проблемы» вызывает большой интерес степень влияния, которое Тайвань и его политические ценности как неотъемлемая часть идеи «тайваньской идентичности» способны оказать на общественное мнение материкового Китая. Кроме того, остров может послужить наглядным примером для Гонконга, где проблема идентичности в настоящее время также является одной из наиболее обсуждаемых.

Объектом диссертации является историческая эволюция «тайваньской идентичности», то есть комплекс представлений тайваньцев о себе, о своей истории, культуре, политических традициях, менталитете и т.д., взятый в его динамическом развитии.

Предметом исследования служит конкретное содержание понятия «тайваньской идентичности», объективные и субъективные исторические факторы формирования соответствующих представлений, направления их трансформации, а также связанные с этим проблемы, актуальные для тайваньского общества в рассматриваемый исторический период.

Цель работы заключается в том, чтобы путем анализа идеи «тайваньской идентичности» в том виде, в котором она существует в современном

тайваньском обществе, реконструировать ее основные исторические истоки и события, влияющие на ее эволюцию.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить конкретное содержание понятия «тайваньской идентичности»;
- установить основные исторические факторы, способствующие становлению и эволюции представлений о «тайваньской идентичности», а также объясняющие центральное место соответствующих идей в современной политике Тайваня;
- рассмотреть основные особенности и проблемы тайваньского общества, связанные с процессом формирования и эволюции представлений о «тайваньской идентичности»;
- попытаться оценить эффективность усилий определенных политических сил Тайваня, направленных, с одной стороны, на конструирование «тайваньской идентичности», а с другой – на то, чтобы воспрепятствовать ее развитию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 по 2008 гг., хотя, как и в любом историческом исследовании, обращение к более ранним или, наоборот, более поздним событиям является неизбежным. Подобный выбор хронологических рамок объясняется тем, что системный анализ темы настоящей диссертации возможен лишь при охвате всего, довольно длительного, временного отрезка, начиная с периода пребывания Тайваня под суверенитетом Китайской Республики вплоть до момента возвращения к власти на острове партии Гоминьдан (Национальная партия Китая, 國民黨) и завершения правления Демократической прогрессивной партии (ДПП, *Миньцзиньдан*, 民進黨), время которого считается пиком развития идеи «тайваньской идентичности» и ее репрезентации на официальном уровне. Данный период можно разделить на три: 1) с 1945 г., когда Тайвань после окончания Второй мировой войны перестал быть колонией Японии и перешел под власть Китая в качестве одной из его провинций, до 1970-х гг. – времени начала либерализации общественной жизни острова, вызванной рядом важ-

нейших событий с точки зрения изменения международного положения Тайбэя; 2) с 1970-х гг. по 1988 г. – период постепенной демократизации общественно-политической обстановки на Тайване и расширения полемики относительно путей развития острова и самоидентификации его жителей, прежде всего в среде активизировавшихся тайваньских националистов; 3) с 1988 по 2008 гг. – становление на Тайване многопартийной системы. Первый из указанных периодов можно назвать временем формирования исторических предпосылок возникновения и развития представлений о «тайваньской идентичности». В эти годы данная идея существовала преимущественно за пределами острова, охваченного политикой «китаизации», проводимой Национальным правительством ГМД, главной целью которой было последующее «контрнаступление на материк». Второй и третий периоды являются временем развития и эволюции идеи «тайваньской идентичности» и выхода на политическую арену отдельных функционеров и партий, использующих ее в качестве одной из своих программных установок.

Методология и методы исследования определяются спецификой выбранной темы и заключаются в использовании исторического метода, преследующего выявление закономерностей и логики развития тех или иных исторических событий и явлений. Учитывая тесную связь объекта исследования с особенностями политической идеологии режимов по обе стороны Тайваньского пролива, отбор, классификация и анализ имеющихся источников требовали особой тщательности и соблюдения принципа научной объективности. Кроме того, междисциплинарный характер проблемы этнокультурной идентичности обусловил применение методологических наработок таких сфер научного знания, как этнология, социология, политология, культурология и психология.

Формулируя собственное видение проблемы «тайваньской идентичности», в том числе в том, что касается основных факторов, влияющих на формирование соответствующих представлений, мы опираемся на положения конструктивистского подхода к вопросу о сущности этносов и наций и особенностях их формирования, а также роли идентичности представителей той

или иной группы в данном процессе. Основными представителями данного направления являются такие западные исследователи, как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, и др., взгляды которых в отечественной науке находят отклик в работах Тишкова В.А. и др. Важную роль в нашем осмыслении проблем национальной и этнической идентичности сыграли также публикации ряда теоретиков, разделяющих позиции конструктивизма лишь частично, к числу которых относятся Э. Кедури, Э. Смит, К. Калхун, Ю. Хабермас, С. Хантингтон, И. Валлерстайн.

Источниковая база исследования. Круг источников, используемых при написании данной диссертационной работы, можно разделить на несколько групп. Это, во-первых, официальные документы, изданные по обе стороны Тайваньского пролива, которые включают законодательные акты, речи и интервью государственных и партийных лидеров, предвыборные платформы, партийные программы и уставы, а также различные декларации и воззвания, принадлежащие представителям организаций Движения за независимость Тайваня (*Тайвань дули юньдун*, 台灣獨立運動) и других политических сил. Во-вторых, это не имеющие официального характера тексты активистов Движения за независимость Тайваня и «беспартийных»¹ – главных проповедников идеи «тайваньской идентичности». Близкими по характеру к этой группе источников являются мемуары сторонников тайваньской независимости и критиков режима ГМД. С определенными оговорками сюда же можно отнести и некоторые сочинения глав тайваньской администрации Ли Дэньхуэя и Чэнь Шуйбяня. В-третьих, это результаты социологических опросов, которые проводятся на регулярной (ежегодной или ежемесячной) основе целым рядом официальных и неправительственных организаций, прежде всего Комитетом по делам материкового Китая Исполнительного Юаня Китайской Республики и Центром исследований выборов Государственного уни-

¹ Движение «беспартийных» (*данвай юньдун*, 黨外運動) – общее наименование для тех участников выборов в органы местного самоуправления КР, которые в период «военного положения» выступали в качестве независимых кандидатов, не являясь членами правящего Гоминьдана. Впоследствии эти люди сформировали основной состав оппозиционного движения против режима власти, требуя его демократизации, соблюдения в КР основных прав и свобод человека и т.д., которое в 1986 г. получило официальное оформление в виде вновь образованной ДПП.

верситета Чжэнчжи, Тайбэй. Кроме того, заслуживают внимания и социологические опросы, проводящиеся на разовой основе в рамках отдельных исследовательских проектов, в частности телефонные опросы общественного мнения, осуществленные в ходе одного из них – «Происхождение и политические последствия “тайваньской идентичности”» - Государственным комитетом по науке Исполнительного Юаня КР в 2006–2009 гг. Еще одним интересным видом социологического исследования являются беседы в фокус-группах, которые, в частности, в рамках указанного выше проекта Государственного комитета по науке послужили важным дополнением к результатам телефонных опросов общественного мнения. В-четвертых, материалы СМИ, включая ведущие тайваньские и материковые издания, на русском, китайском и английском языках, освещающие наиболее актуальные события, происходящие как на острове, так и в КНР, а также в сфере развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Степень научной разработанности темы. Историография проблемы «тайваньской идентичности» в мировой литературе в целом довольно обширна. По очевидной причине особенно много исследований опубликовано на Тайване. После отмены «военного положения» в 1987 г. и окончательного снятия негласного запрета на изучение истории, географии, литературы и других дисциплин, посвященных собственно Тайваню, а не рассматривающих остров лишь в общекитайском контексте, количество публикаций по различным аспектам проблемы «тайваньского самосознания» стало стремительно нарастать. В настоящее время данный вопрос входит в сферу исследовательских интересов целого ряда сотрудников Института социологии Академии Синика, каждый из которых специализируется на том или ином аспекте проблемы «тайваньского самосознания». В первую очередь стоит отметить работы таких авторов, как Ван Фучан (история и современное состояние национальной идентичности тайваньцев в свете отношений между основными этническими группами острова, этническая политика властей), Чжан Маогуй (национальная идентичность отдельных групп населения Тайваня, главным образом, выходцев из материкового Китая, а также особенно-

сти самоидентификации тайваньцев с точки зрения теории мультикультурализма и демократизации), У Найдэ (политические аспекты проблемы национальной идентичности Тайваня в свете отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, а также вопросы исторической памяти тайваньцев и «правосудия переходного периода»), Сяо Ацинъ (тайваньский культурный национализм, коллективная память и история формирования «тайваньского самосознания» после 1979 г.).

Отдельный блок в тайваньской историографии проблемы идентичности населения острова составляют работы исследователей, занимающих близкую к тайваньскому национализму позицию: Ши Чжэнфэна, Ли Сяофэна, Лу Цзяньжуна и др.

В особую подгруппу исследований по данной теме следует также выделить монографию и статьи Цзян Ихуа, председателя Исполнительного Юаня Китайской Республики (т.е. главы правительства Тайваня) в 2013-2014 гг., в которых автор, хотя и не формулирует официальную точку зрения на проблему идентичности тайваньцев, в то же время полемизирует с указанными выше исследователями как с точки зрения теоретического, так и эмпирического осмысления соответствующих вопросов.

Проблема «тайваньской идентичности» в свете процессов демократизации Тайваня, а также ее связь с развитием партийной системы острова и проявление в электоральном поведении его населения, получили отражение в работах целого ряда тайваньских исследователей, в частности, в статьях Ван Чжэньхуаня, Линь Цзялуна, У Юйшаня, Чжу Юньхана, Хуан Цзи, Сяо Гаояня и Сюй Хояня, Ю Инлуна, Сунь Тунвэня и Сюй Юнмина. Статьи указанных авторов, большинство из которых являются специалистами по политологии, объединяет использование значительной базы источников социологического характера, таких, как результаты опросов общественного мнения, голосования избирателей во время выборов и т.д.

В особую группу работ по теме «тайваньской идентичности» можно выделить исследования, посвященные соотношению между «рациональным» (материальной выгодой, извлекаемой из тесных экономических связей с КНР)

и «эмоциональным» началами («тайваньская идентичность» на психологическом, чувственном уровне) в сознании и поведении современных тайваньцев. Сюда же можно отнести и статьи на тему самоидентификации выходцев с Тайваня, живущих и работающих в материковом Китае. Большая часть этих работ представлена исследованиями Чэнь Лухуэя и Гэн Шу.

Говоря о китаеязычной историографии проблемы «тайваньского самосознания», нельзя не сказать о довольно многочисленных исследованиях ее различных аспектов, проводимых авторами из КНР (Чжан Юй, Чжан Цайся, Инь Цунь, Люй Фан, Ван Пин и др.). Основной особенностью всех этих трудов, будь то изучение тайваньской политики, социально-экономического развития, культуры или литературы, является соответствие позиций авторов официальной установке пекинских властей в отношении острова, хотя следует отметить, что позицию китайского руководства в этом вопросе нельзя однозначно считать фиксированной и не подверженной изменениям. Для исследований материковых авторов по истории Тайваня характерно подчеркивание наличия ранних контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, изначальной вовлеченности острова в сферу интересов Китая. Их главной общей целью является доказать принадлежность Тайваня материковому Китаю, незаконность любых теорий о наличии на острове независимого государства, вроде концепций «двух Китаев» или «одного Китая и одного Тайваня», историческую несостоятельность претензий тайваньцев на наличие собственного самосознания, отличного от китайского, и т.д.

Довольно большой интерес проблема «тайваньской идентичности» вызывает у западных исследователей, как американских, так и европейских. Несмотря на то, что США обладают давней традицией изучения Тайваня и первые работы по данному вопросу появились здесь еще в 1960-х гг., факторы «холодной войны» и влияния гоминьдановского лобби в американских политических кругах вплоть до конца 1970-х гг. не могли способствовать активному изучению вопросов «тайваньского самосознания». Однако начиная с 1980-х гг. эта тема привлекает все большее внимание американских авторов, среди исследований которых можно выделить работы научно-

публицистического характера с ярко выраженной симпатией к идеям тайваньского национализма (Дж. Керр, Дж. Китинг, Дж. Мэнторп, Дж. Коппер и др.), и академические исследования, посвященные самым разным аспектам проблемы «тайваньской идентичности». В данной связи стоит отметить работы Т. Голда и А. Уочмана, рассматривающие данный вопрос в свете процессов демократизации тайваньского общества; публикации Ш. Риггер, которая изучает особенности самоидентификации тайваньцев в ее связи с экономическим развитием острова и отношениями между двумя берегами Тайваньского пролива; статьи Дж. Т. Драйер, концентрирующей в основном на историческом контексте эволюции самосознания жителей Тайваня; монографию М. Браун, которая анализирует проблему «тайваньской идентичности» с точки зрения социокультурной антропологии и этногенеза, и др.

Довольно высокая публикационная активность в сфере изучения вопросов «тайваньского самосознания» отражается в издании большого количества сборников по данной проблематике как в США, так и в Европе. Здесь проблема «тайваньской идентичности» получает освещение в работах таких авторов, как Г. Шуберт, С. Коркюфф, С. Фляйшауэр, К. Хьюз и др.

Что касается отечественной историографии, то проблема «тайваньского самосознания» в ней пока разработана довольно слабо. Чуть ли не единственной до сих пор попыткой системного анализа национальной идентичности жителей острова в российской тайванистике является обзорная диссертация дальневосточной исследовательницы Ю.А. Ишутиной «Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев»², к сожалению, основанная на весьма ограниченном круге источников и научной литературы. Следует также отметить статьи В. Ц. Головачева, в которых рассматриваются такие близкие к теме настоящей диссертационной работы аспекты, как этническая история острова, политика тайваньского правительства в сфере языка и культуры и др. Краткое изложение истории тайваньского национализма, а также современной этнической ситуации на острове и ее истоков, содержит-

² Ишутина Ю.А. Формирование и репрезентация национальной идентичности тайваньцев: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Владивосток: ДВГТУ, 2006. – 201 с.

ся в монографии А.А. Москалева «Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму»³. Кроме того, нельзя обойти вниманием монографии и статьи Ю. М. Галеновича и А.Г. Ларина, в которых освещаются такие важные и связанные с вопросом «тайваньского самосознания» проблемы, как роль острова в отношениях между Китаем и США, история развития тайваньской демократии, особенно в эпоху Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня, результаты президентских выборов на Тайване и др.

Наконец, говоря об историографии темы «тайваньской идентичности», следует упомянуть работы, посвященные ее отражению в литературе, кинематографе, искусстве и даже в изображениях на почтовых марках, как на китайском, так и на английском языке. В силу того, что в настоящей диссертационной работе ставится цель рассмотреть скорее исторический и социально-политический аспекты национальной идентичности тайваньцев, соответствующая литература, представляющая собой довольно большой массив исследований, затрагивается лишь косвенно и в ограниченном объеме. Среди подобных работ можно назвать публикации таких авторов, как Жуань Мэйхуэй, Су Цзыцяо, Дж. Ип, Ив. Чжан, А. Е, Д. Келлнер, Ф. Динз и др. К этому же типу исследовательской литературы можно отнести и работы по истории бейсбола на Тайване Э. Морриса, Ван Сумэй, Юй Цзиньвэя и др., который сегодня поистине можно назвать тайваньским «национальным видом спорта» и развитие которого на острове многие авторы трактуют как проявление особой идентичности тайваньского общества.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые в отечественной историографии с опорой на широкий круг источников и литературы, большая часть которых ранее была недоступна в России, ставится проблема формирования и эволюции идеи «тайваньской идентичности». До сих пор в отечественной литературе проблемы самоопределения тайваньцев в основном изучались с точки зрения позиций правительства материкового Китая, а также в свете внутривнутриполитического противостояния на

³ Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. - М.: Памятники исторической мысли, 2005. - 324 с.

острове между Гоминьданом и ДПП. В данной работе впервые предпринимается системное исследование такого важного фактора, как этнокультурная идентичность тайваньцев. Тем самым в отечественной тайванистике определено новое проблемное поле.

Теоретическая значимость работы заключается в получении результатов всестороннего анализа проблемы «тайваньской идентичности» и истоков ее формирования, без понимания которых невозможно получение целостного представления об историческом развитии Тайваня в послевоенный период, современной политической ситуации на острове и особенностях отношений между Тайванем и материковым Китаем. Результаты данного исследования могут способствовать формированию более объективных прогностических оценок будущего развития ситуации в Тайваньском проливе.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования результатов настоящего диссертационного исследования работниками государственных структур, частных компаний и общественных организаций, деятельность которых подразумевает контакты как непосредственно с представителями различных коммерческих и общественных структур острова, так и с представителями КНР в сфере дипломатического, экономического, культурного, научного сотрудничества и т.д. Кроме того, положения данной работы могут использоваться исследователями, изучающими этнические конфликты современного мира, особенности существования полиэтнических, а также непризнанных государств, специалистами по всемирной истории и по проблемам развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Основные тезисы представленного исследования смогут найти применение в научно-образовательной области при составлении курсов и глав учебной литературы по истории Китая, социально-политическому развитию Тайваня и эволюции отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Проблема «тайваньской идентичности», безусловно, неразрывно связана с вопросом отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Однако это не означает тождественности между ними. Проблему «тайваньской

идентичности» следует понимать как вопрос о национальной, а не государственной идентичности жителей острова. Последнее понятие по смыслу несколько уже первого, которое помимо отнесения индивидом или социальной группы себя к какому-либо государству, может включать и этническую, и культурную идентификацию. Таким образом, под «тайваньской идентичностью» следует понимать представления тайваньцев о себе как о «воображаемом сообществе» (в терминологии Б. Андерсона), ограниченном пределами острова Тайвань и прилегающих к нему более мелких островов, находящихся под юрисдикцией Тайбэя. Кроме того, это сообщество представляет себя как носителя особой, отличной от других – и прежде всего от материкового Китая – культуры.

2. Исторические факторы, повлиявшие на развитие представлений о «тайваньской идентичности», можно разделить на способствовавшие формированию⁴ и эволюции⁵ этой идеи. Подавляющее большинство этих факторов проявили себя после 1945 г. Период японского колониального господства, который часто провозглашается временем становления «тайваньского самосознания», сыграл важную роль с точки зрения появления объективных культурных и ментальных отличий между жителями острова и противоположного берега Тайваньского пролива. Однако значение этого периода для складывания субъективных представлений тайваньцев о себе как об особой общности, отдельной от материкового Китая, несколько преувеличено.

3. Среди факторов, повлиявших на эволюцию идеи «тайваньской идентичности», немаловажное значение имеет гоминьдановская политика по насаждению на Тайване «китайской идентичности» после 1945 г. – и особенно после 1949 г. По нашему убеждению, ее нельзя рассматривать лишь как некий контрпродуктивный курс авторитарного правительства. В целом эта политика продемонстрировала свою эффективность как в сфере использования госу-

⁴ Сюда можно отнести недовольство населения острова неэффективной и коррупционной политикой гоминьдановского правительства в первые годы после возвращения Тайваня Китайской Республике, «инцидент 28 февраля 1947 г.», а также межэтническое напряжение, вызванное указанными факторами.

⁵ Среди них дипломатический кризис Тайваня в 1970-х гг., «гаосюнский инцидент» 1979 г. и складывание движения «беспартийных» и др.

дарственного нормативного китайского языка, так и с точки зрения распространения в тайваньском обществе представлений о себе как о носителе традиционной китайской культуры, в отличие от населения материкового Китая, где эта культура разрушается «коммунистическими бандитами». Однако подобные представления сами по себе способствовали консолидации «воображаемого сообщества» жителей острова, отличного от противоположного берега Пролива.

4. Негибкая, бескомпромиссная политика Чэнь Шуйбяня на посту главы администрации Тайваня (2000–2008) по «тайванизации» и «декитаизации» общественно-политической жизни острова наряду с неудачами в других сферах способствовала потере ДПП значительной части своего электората. Однако сокрушительное поражение партии, являющейся главным пропагандистом идеи «тайваньской идентичности» в настоящее время, на президентских и парламентских выборах 2008 г. не означало краха самой этой идеи. Это демонстрируется в частности усилением роли различных аспектов проблемы «тайваньской идентичности» в политической риторике ДПП, находившейся в оппозиции до января 2016 г. (когда председатель ДПП Цай Инвэнь была избрана в качестве нового президента КР, а сама партия, что не менее важно, получила более 50% мест в Законодательном юане (парламенте) КР), в ее борьбе с партией Гоминьдан.

5. Распространенное среди части тайваньской общественности мнение, согласно которому проблема «тайваньской идентичности» представляет собой лишь предмет пустой политической риторики, не отражающий реальных чаяний населения Тайваня, не соответствует действительности. Тот факт, что проблема национальной идентичности является краеугольным камнем политического противостояния партий на острове, как раз свидетельствует о том, что она обладает значительным потенциалом с точки зрения воздействия на массовое сознание.

6. Одним из наиболее актуальных вопросов сегодняшнего дня является прогнозирование трансформации идентичности тайваньцев в связи с возросшей зависимостью экономики острова от КНР. Действительно, довольно

большое количество жителей Тайваня выступают за активизацию торгово-экономических контактов между двумя берегами Тайваньского пролива, будучи довольно дружелюбно настроенными по отношению к гражданам КНР. Однако это вовсе не означает размывания идеи «тайваньской идентичности»: материковый Китай для большинства тайваньцев является местом приложения сил и вложения капитала, средством преодоления экономического кризиса на острове, а не объектом идентификации.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертационная работа прошла обсуждение и была рекомендована к защите на кафедре истории Китая ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова.

Апробация настоящего исследования проходила при чтении лекций, проведении семинаров и других занятий по истории Китая и Тайваня в Институте стран Азии и Африки и на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Отдельные положения исследования нашли применение в разделе по истории Тайваня для нового учебника по истории стран Азии и Африки в XX в., готовящегося в ИСАА.

Тезисы данного исследования были представлены на Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009» (апрель 2009 г.), а также были изложены в докладах автора на ежегодной китаеведческой конференции ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова в секции «Этническое самосознание китайцев и диаспоры Китая» (июнь 2009 г.) и на международной англоязычной конференции «Вторая мастерская молодых ученых» в Европейском центре исследований современного Тайваня при Университете Эберхарда и Карла (*Eberhard Karls Universität Tübingen*) в Тюбингене, Германия (июнь 2013 г.).

Материалы диссертационной работы были опубликованы в научных периодических изданиях и сборниках в виде 7 статей, 4 из которых – в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК. Одна из статей опубликована на английском языке на сайте Европейского центра исследований современного Тайваня Университете Эберхарда и Карла в Тюбингене, Германия.

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и трех приложений.

Во **Введении** диссертации обосновывается выбор темы работы, ее актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель, задачи, объект и предмет исследования, освещаются его теоретико-методологические основы и обозначаются основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Характеристика источников и основных тенденций в изучении темы “тайваньской идентичности”»** проводится анализ и классификация обширного объема источников и исследовательской литературы по теме диссертации. В разделе «1.1 Источники» предлагается подробное описание публикаций, которые можно определить в качестве источниковой базы настоящего исследования, выявляются их основные особенности, а также исторический и социально-политический контекст их появления. В разделе «1.2 Исследования» представлен подробный анализ исследовательских работ по теме диссертации, указываются основные направления развития изучения Тайваня как в России, так и на Западе, а также рассматриваются ключевые факторы историко-политического и социально-экономического характера, влияющие на это развитие. Отдельный раздел посвящен историографии КНР, которая включает в себя большой массив исследовательской литературы по Тайваню. В силу объемности, а также в связи с тем, что тайваньская историография сама по себе является полем для столкновения различных убеждений, история исследования проблемы «тайваньской идентичности» на острове представлена особенно подробно. В частности, описываются первые, зачастую довольно эмоциональные дискуссии относительно «тайваньского самосознания», ставшие возможными в условиях политической либерализации на Тайване, а именно «Дискуссия о провинциальной литературе» конца 1970-х гг., «Дискуссия о тайваньском самосознании» начала

1980-х гг., первые конференции по проблемам соотношения так называемых «китайского» и «тайваньского комплексов» 1986–1987 гг. Вслед за этим анализируются основные направления исследований вопросов национальной и этнической идентичности жителей острова, а также характеризуются теоретико-методологические и политико-идеологические позиции авторов.

Вторая глава **«Предпосылки формирования представлений о “тайваньской идентичности”»** посвящена рассмотрению тех событий истории Тайваня, которые послужили основными факторами формирования понятия «тайваньского самосознания» и представлений о нем среди населения острова. Для анализа проблемы национальной идентичности рассматриваются существующие в общественных науках подходы к проблеме формирования и существования наций, которые освещаются в разделе «2.1 Понятия “нации” и “национальной идентичности” в общих трудах по национализму». Здесь анализируются такие концепции, как примордиализм, инструментализм и конструктивизм. Поскольку последний составляет методологическую основу настоящей диссертации, основные теоретические положения главных его представителей получили наиболее подробное освещение. При этом, как нам кажется, не все тезисы конструктивистского подхода применимы к изучению тайваньского национализма, в рамках которого развивалась идея «тайваньской идентичности». В частности, мы приводим аргументы в пользу того, что утверждение Б. Андерсона о «креольском» характере «некоторых черт тайваньского национализма» не вполне правомерно.

В разделе «2.2 Терминологические особенности понятия “тайваньской идентичности”»: тайваньская “национальная” или “государственная” идентичность?» анализируется восприятие понятия «тайваньской идентичности» как исследователями, так и широкими кругами тайваньского общества. Сложности в интерпретации данного словосочетания происходят от многозначности английского слова *nation*, в связи с чем термин *national identity* переводится на китайский язык как «национальная», «государственная» или «национально-государственная идентичность». При этом, одни исследователи пользуются данными терминами как взаимозаменяемыми, другие

склонны проводить различия между ними и даже утверждать неправомерность того или иного понятия. В результате анализа концепций тайваньских авторов мы пришли к выводу, что использование ими определенного термина не в последнюю очередь обусловлено их политическими воззрениями. В частности, авторы, разделяющие идеи тайваньского национализма, трактуют понятие «тайваньской идентичности» в «национальном» ключе, в то время как политически близкие к Гоминьдану исследователи делают акцент на «государственной» составляющей проблемы самоидентификации жителей острова. Автор данной работы склонен к восприятию национальной идентичности жителей острова именно в значении «*national identity*», а не «*state identity*». Проблема Тайваня, на наш взгляд, заключается не в выборе государства (оно де-факто на Тайване существует, и изменение его названия и символики вряд ли существенно повлияет на его сущность и те политические ценности, с которыми идентифицируют себя тайваньцы), а в форме осознания себя населением острова в качестве особого сообщества, от которой будет зависеть политика как островного правительства, в том числе в том, что касается фактического и символического определения статуса Тайваня, так и политика властей КНР в этой сфере.

Раздел «2.3 Дискуссия о времени формирования “тайваньской идентичности”» посвящен анализу основных точек зрения относительно периодов становления представлений о «тайваньском самосознании». Представители Движения за независимость Тайваня при обосновании своей концепции «тайваньской нации» часто возводят истоки этого процесса к XVII–XVIII вв., утверждая наличие особой идентичности у населения острова уже в то время. Научные дискуссии относительно направления трансформации тайваньского общества в цинскую эпоху начались еще с 1970-х гг. В данном разделе описываются положения основных подходов к анализу этого процесса: концепции «индигенизации», то есть образования особого тайваньского сообщества с новыми кровно-клановыми и религиозными связями, и теории «континентализации», утверждающей консолидацию на Тайване в это время «общества, управляемого конфуцианской бюрократией» в рамках китайской культуры.

Далее анализируется значение для формирования «тайваньского самосознания» просуществовавшей всего несколько месяцев в 1895 г. Тайваньской Республики (образована после подписания Симоносекского мирного договора по окончании Японо-китайской войны 1894–1895 гг. представителями тайваньской образованной элиты из числа местных землевладельцев и чиновников из администрации провинции Тайвань и ликвидирована в ходе японского «завоевания» острова). Довольно широкое распространение среди исследователей «тайваньского самосознания» пронационалистского толка имеет идея о его зарождении в эпоху японского колониального господства. Складывание «тайваньского самосознания» связывается с социально-экономическими достижениями острова в результате реформ, проводимых японской колониальной администрацией. По нашему мнению, период японского колониального господства действительно является важным с точки зрения формирования объективных культурных различий между жителями двух сторон Тайваньского пролива. Однако в это время провозглашение собственной «тайваньской идентичности» означало, прежде всего, подчёркивание культурной обособленности острова от метрополии, основанием для чего во многом служило китайское этнокультурное происхождение значительной части его населения. Существенная часть данного раздела посвящена также важному периоду истории Тайваня с точки зрения формирования на острове общества, разделяющего демократические ценности, – периоду с конца 1970-х гг. – и его роли в процессе становления и эволюции представлений о «тайваньской идентичности».

В разделе «2.4 Межэтнические отношения на острове и формирование “тайваньской идентичности”» рассматривается ключевой, на наш взгляд, для становления представлений о «тайваньском самосознании» этап, а именно период между 1945 и 1949 гг. К основным историческим факторам, повлиявшим на данный процесс и получившим подробное описание в этом разделе, относятся недовольство населения острова неэффективной политикой и коррупцией гоминьдановского правительства в первые годы после возвращения Тайваня под суверенитет Китайской Республики, «инцидент 28 февраля 1947

г.», недоверие к тайваньцам как к недавним подданным Японской империи и отношение к ним как к людям «второго сорта» со стороны новой администрации, недопущение их к государственным должностям и т.д. Важным следствием указанных событий стало нарастание противоречий между выходцами с материка и уроженцами острова, которое способствовало формированию у последних особого самосознания. Тем самым «тайваньская идентичность» на начальном этапе своего становления была характеристикой лишь части (пусть и численно преобладающей) населения острова. Во многом именно это обусловило кризис «тайваньского самосознания» на современном этапе, связанный с тем, что тайваньское общество характеризуется «расколотой» идентичностью.

Третья глава **«Исторические факторы эволюции идеи “тайваньского самосознания”»** посвящена анализу развития представлений о «тайваньской идентичности» после 1949 г. В разделе «3.1 Политика насаждения “китайской идентичности” после 1949 г. как один из факторов укрепления “тайваньского самосознания”» анализируется политика гоминьдановского правительства по «китаизации» населения Тайваня, которая включала целый ряд мер в сфере культуры и языка. Несмотря на то, что эта политика воспринимается как одно из основных препятствий к развитию «тайваньского самосознания», мы рассматриваем ее в качестве катализатора для будущего распространения на острове идеи «тайваньской идентичности». Убежденность жителей Тайваня в том, что именно они являются истинными носителями китайской культуры, способствовала формированию у них субъективного ощущения собственных отличий от населения материкового Китая, которое укрепилось осознанием объективных различий между жителями двух берегов Тайваньского пролива после открытия двусторонних связей в конце 1980-х гг.

В связи с тем, что идея «тайваньской идентичности» получила свое теоретическое оформление в рядах сторонников независимости Тайваня, мы сочли необходимым посвятить один из разделов данной главы истории Движения за независимость Тайваня (раздел «3.2 “Тайваньская идентичность” и

Движение за независимость Тайваня»). Здесь также анализируется формирование и эволюция понятия «тайваньской нации», разрабатываемого членами Движения. Уделяется внимание постоянному акцентированию «диктаторской» и «колониальной» сущности режима гоминьдановского правительства и Чан Кайши и его сына Цзян Цзинго лично, которые «оккупировали политику и экономику» Тайваня и «дискриминировали» тайваньцев. Именно этим тайваньские националисты объясняли необходимость создания «демократического, независимого, избавленного от связи с Китаем нового государства». Однако по мере «тайванизации» партии Гоминьдан главным объектом критики членов Движения стала КНР.

Тем не менее в риторике тайваньских националистов важнейшее место по-прежнему отводится подчеркиванию «некитайскости» менталитета и культуры населения Тайваня, чему посвящен раздел «3.3 “Тайваньская культурная идентичность”: культура Тайваня в противопоставлении культуре Китая». В данном разделе выделяются и классифицируются основные черты тайваньской культуры, которые позволяют тайваньским националистам говорить об ее уникальности в сравнении с китайской культурой. Также уделяется внимание одному из наиболее обсуждаемых на современном Тайване вопросов – вопросу о так называемом «тайваньском языке» (южнофуцзяньском диалекте).

Как известно, одним из элементов национального самосознания любой общности является ее историческая память, которая чаще всего представляет собой предмет манипуляций со стороны заинтересованных политических сил. В разделе «3.4 История Тайваня как одна из составляющих “тайваньской идентичности”. “Инцидент 28 февраля 1947 г.” и “правосудие переходного периода”» рассматриваются представления о тайваньской истории, характерные для участников Движения за независимость острова, важное место в которых занимает «инцидент 28 февраля 1947 г.». Примечательным является тот факт, что историческая память об этом событии, долгое время поддерживаемая лишь в рядах тайваньских националистов, а затем представителями оппозиции в лице ДПП, в результате усилий властей Тайваня во главе с Ли

Дэнхуэем в 1990-е гг. превратилась в сохраняемое на официальном уровне историческое достояние, тем самым в некоторой степени утратив характер важнейшего орудия внутривластной борьбы. При этом проблема «правосудия переходного периода» до сих пор остается актуальной для Тайваня, чему также уделяется внимание в данном разделе.

Понимание необходимости преодоления упомянутого выше «раскола» в идентичности различных групп населения Тайваня приводило представителей общественно-политических кругов острова к созданию различных концепций, на основе которых можно было бы обеспечить единение всех жителей Тайваня. Раздел «3.5 Концепции “общности единой судьбы” тайваньцев в трудах общественно-политических деятелей острова» посвящен анализу подобных теорий, наиболее известными из которых являются идея «общности единой судьбы» тайваньцев (Чжэн Циньжэнь, Ли Дэнхуэй), которой созвучны положения тайваньского мультикультурализма, основанные на тезисе о «четырех основных этнических группах» острова, концепция «поднимающейся нации» Сюй Синьляна и положение о «новом тайваньце» Ли Дэнхуэя. При этом следует отметить, что ни одна из этих теорий не получила поддержки широких кругов тайваньской общественности, что свидетельствует о необходимости дальнейшего поиска путей к преодолению «расколотов» идентичности жителей острова.

В четвертой главе **«Особенности развития представлений о “тайваньской идентичности” на современном этапе»** анализируется развитие идеи «тайваньского самосознания» за последние 15 лет. В разделе «4.1 “Тайваньская идентичность” как продукт политической программы ДПП» рассматривается ключевой с точки зрения репрезентации идеи «тайваньской идентичности» на официальном уровне этап, а именно два президентских срока Чэнь Шуйбяня (2000–2008). В целом его восьмилетнее правление имело плачевные итоги, которые объясняются целым рядом как объективных, так и субъективных факторов. Тем не менее политическое поражение ДПП на выборах 2008 г. вовсе не означало краха идеи «тайваньской идентичности». Результаты социологических опросов, а также особенности нынешнего

развития политической ситуации на Тайване свидетельствуют о том, что «тайваньское самосознание» продолжает играть важную роль в процессе формирования общественного мнения на острове.

Одним из главных источников определения идентичности населения Тайваня являются социологические опросы общественного мнения, которые чаще всего представляют собой крайне упрощенную схему самоидентификации жителей острова в качестве «китайцев», «тайваньцев» или и тех, и других. По нашему мнению, подобная форма вопросов не позволяет в полной мере раскрыть особенности самосознания населения Тайваня, что более подробно описано в разделе «4.2 Социологические опросы как главный источник определения современной идентичности населения Тайваня». Наряду с анализом количественных показателей опросов общественного мнения, здесь также приводится подробное рассмотрение того, что может подразумевать респондент, когда идентифицирует себя тем или иным образом.

Среди привлекающих внимание исследователей показателей общественного мнения следует особо отметить стабильно высокое число тайваньцев, выступающих за сохранение статус-кво в отношениях между Тайванем и КНР. В данной связи наиболее важным является вопрос о том, какие факторы могут способствовать изменению этой ситуации в ту или другую сторону. Наряду с угрозой военного конфликта, с одной стороны, и политическими реформами либерального характера в КНР – с другой, изучения заслуживает, прежде всего, непрерывно растущая на протяжении последних 20 с лишним лет экономическая интеграция между двумя берегами Тайваньского пролива и ее потенциальное влияние на изменения в самосознании жителей острова. Этот аспект подробно рассматривается в разделе «4.3 “Тайваньская идентичность” и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива». Главный вывод проведенного анализа заключается в том, что готовность тайваньцев в условиях не вполне благоприятной экономической ситуации на острове рассматривать различные варианты ее преодоления, в том числе интенсификацию торгово-экономического сотрудничества с КНР, вовсе не означает воз-

возможности коренных сдвигов в самосознании жителей острова как представителей исторически сложившегося «воображаемого сообщества».

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования, на основе которых предпринимается попытка прогнозирования судьбы идеи «тайваньской идентичности», в том числе в свете будущего развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива.

Будучи носителями китайской культуры (пожалуй, даже в большей степени, чем этого хотелось бы наиболее радикальным тайваньским националистам), жители Тайваня обладают целым рядом черт и особенностей, обусловивших важные системные различия между населением двух сторон Тайваньского пролива. Речь идет, прежде всего, о соревновательном духе, выраженном в ходе исторического соперничества между «коренными» тайваньцами и выходцами с материка и воплотившемся в современной политической системе острова. Также стоит отметить непоколебимую веру жителей Тайваня в идеалы демократии, что объясняется не только длительными тесными связями с США, но и наличием здесь традиции прямых выборов на низовом уровне, возникших в годы японского колониального господства и сохранившихся в период авторитарного правления ГМД. Кроме того, нельзя отрицать того факта, что иммигранты из материкового Китая, прибывшие на Тайвань до 1945 г., будучи в основном людьми низкого социального происхождения, в то же время обладали высокой степенью пассионарности. Им была присуща большая клановая сплоченность и предприимчивость по сравнению с другими жителями Поднебесной.

Таким образом, тайваньцы представляют собой в некотором роде «мутировавшее» общество. Вопрос заключается в том, прошла ли эта «мутация» «точку невозврата».

В данной связи любопытна потенциальная возможность (или невозможность) эволюции идеологии партии Гоминьдан и ее позиции в отношении проблемы «тайваньской идентичности». Начиная с конца 1970-х гг., Гоминьдан сделал многое для того, чтобы стать «тайваньской» партией. Современный ГМД не отказывается от принципа «одного Китая» и до сих пор от-

стаивает идею о «единой китайской нации». При этом в настоящее время эти положения не пропагандируются столь же открыто и настойчиво, как прежде. Афиширование своей «китайской идентичности» и отсутствие «тайваньского самосознания» в той или иной форме сегодня является «политическим самоубийством» для любого претендента на государственную должность, включая представителей ГМД. Однако позиция партии в сфере политики идентичности и ее влияние на общественное мнение на острове относятся к числу важных тем, не получивших подробного освещения в академических кругах и требующих дальнейшего изучения.

Еще одним немаловажным фактором является, несомненно, политика КНР в отношении Тайваня и будущее внутривнутриполитическое развитие материкового Китая в целом. Наиболее интересным выглядит вопрос о том, какова вероятность усиления «китайской идентичности» жителей острова в ущерб их «тайваньскому самосознанию» в случае сближения двух сторон Тайваньского пролива с точки зрения экономической и политической систем. Дать однозначный ответ на этот вопрос крайне трудно.

С одной стороны, в условиях, когда принцип права наций на самоопределение вновь привлекает к себе все большее внимание со стороны мировой общественности, в ближайшем будущем мы наверняка увидим продолжение борьбы со стороны континентального Китая за господство собственных убеждений в отношении «тайваньского вопроса». КПК скорее всего будет использовать широкую гамму рычагов воздействия на общественное мнение острова в русле как «жесткой» (в рамках действия Антисепарационного закона 2005 г.), так и «мягкой силы» и укрепления экономической привязки Тайваня к КНР. Сюда можно отнести предоставление льготных условий тайваньским фермерам и рыбакам при экспортировании их продукции на материк, экспорт дешевой рабочей силы из материка на Тайвань, создание совместных китайско-тайваньских конгломератов в кредитно-финансовой, промышленной и телекоммуникационной сферах, координация монетарной и макроэкономической политики Тайбэя и Пекина. В последнее время наблюдаются также скупка акций ведущих периодических изданий острова, привлечение

на учебу в КНР все большего числа тайваньских студентов, поощрение дальнейшего взаимного проникновения массовой культуры двух сторон Тайваньского пролива и т.д. (хотя следует отметить, что после вступления Цай Ин-вэнь в должность главы тайваньской администрации эти меры могут в некоторой степени утратить свою результативность, а от ее позиции по принципу «одного Китая» во многом зависит вероятность эскалации военного противостояния в Тайваньском проливе).

С другой стороны, даже если допустить возможность существенных политических реформ в КНР, Китай наверняка все равно останется государством с высоким уровнем бюрократической политической культуры, что в целом претит тайваньцам с присущими большинству из них индивидуализмом и космополитизмом. К тому же переход КПК на более компромиссную позицию в отношении Тайваня с той же степенью вероятности может повлечь за собой и дальнейшее раскрепощение жителей острова в том, что касается определения и консолидации их идентичности.

Еще совсем недавно можно было повсеместно услышать мнение о том, что Китай, как огромный экономический магнит, в конечном итоге перетянет Тайвань на свою сторону. Это казалось тем более предсказуемым с учетом нынешней довольно расплывчатой позиции США в отношении Тайваня – остров сегодня уже не пользуется столь существенной политической поддержкой Америки, как в годы холодной войны. Однако в условиях глобализации становится очевидно, что в таких вопросах, как самосознание людей, невозможно механистически строить прогнозы в опоре лишь на такие факторы, как показатели экономического роста того или иного государства.

Мы убеждены, что на современном этапе проблема «тайваньской идентичности», наряду с вопросами геополитики, демократии и пр., является важнейшим фактором, препятствующим интеграции двух берегов Тайваньского пролива. Этот же фактор обуславливает межпартийную борьбу на самом острове. Учитывая современные особенности политического развития заинтересованных сторон, есть все основания считать, что радикальное изменение ситуации, когда в результате превращения Тайваня в полноценного

члена международного сообщества или, наоборот, его «возвращения в лоно Родины» проблема «тайваньской идентичности» перестанет быть главным «нервом» его внутренней политики, которая будет походить на таковую в других странах с развитой экономикой, скорее всего, произойдет не скоро.

Приложение 1 и **Приложение 2** представляют собой графики показателей соответственно «тайваньской»/«китайской идентичности» (1992-06.2015) и позиций населения Тайваня относительно независимости острова или его объединения с материковым Китаем (1994-06.2015). В **Приложении 3** приводится сводная таблица результатов телефонных опросов общественного мнения, проводимых в рамках исследовательского проекта по специальной теме Государственного комитета по науке Исполнительного Юаня Китайской Республики в 2006 и 2008 гг.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

В российских рецензируемых научных журналах из перечня ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Каимова А. С. Политика китаизации Тайваня и становление тайваньской идентичности// Восток (Oriens). – 2015. - №2. – С. 132-138. – 0,6 а.л.

2. Каимова А. С. К вопросу о «тайваньской культурной идентичности»// Проблемы Дальнего Востока. - 2014. - №1. - С. 134-144. -1,1 а.л.

3. Каимова А. С. Проблемы интерпретации понятия «тайваньская идентичность» // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. - 2013. - № 2. - С. 27-39. – 1 а.л.

4. Кузьминова (Каимова) А. С. «Белый террор» на Тайване. (Реконструкция событий 50-х гг. XX в.)// Проблемы Дальнего Востока. - 2009. - №4. - С. 121–135. – 1,2 а.л.

В прочих изданиях:

1. Кузьминова (Каимова) А. С. Политика Демократической прогрессивной партии Тайваня в сфере распространения «тайваньской идентичности» и ее результаты // Материалы ежегодной китаеведческой конференции ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. Секция «Этническое самосознание китайцев и диаспоры Китая» (Москва, июнь 2009 г.). - М.: Ключ-С, 2010. - С. 19–26. – 0,7 а.л.

2. Кузьминова (Каимова) А. С. Тайваньская идентичность и будущее отношений в Тайваньском проливе// Ломоносовские чтения. Востоковедение: тезисы докладов науч. конф. (М., 16 апреля 2009 г.). - М.: Ключ-С, 2009. - С. 104–106. – 0,2 а.л.

3. Kaimova, Anna. “Taiwanese Identity”: the Main Factors of its Shaping and Maintaining [Electronic resource]// ERCCT Online Paper Series (EOPS No. 0019) – Young Scholar Workship 2013 selected collections. – Tuebingen: ERCCT, November 2013. – Режим доступа: <http://www.ercct.uni-tuebingen.de/AdTXP/index.php?id=567>, свободный. – Загл. с экрана. – 1,5 а.л.